

Лекция 4

Автор Анатолий Козлович

ПУБЛИЦИСТИКА КАК ФИЗИОЛОГИЯ ОБЩЕСТВА

Тема: Публицисты – физиологи общества. Г.Успенский, В.Короленко, Н.Добролюбов, А.Аграновский. «Разгребатели грязи».

План лекции

1. Глеб Успенский – физиолог русского общества.
2. Мысль и факт в творчестве публициста Г.Успенского.
3. Г.Успенский как продолжатель метода Н.Добролюбова.
4. Мысль и инстинкт в публицистике Н.Добролюбова.
5. Г.Успенский и Н.Добролюбов как интеллектуалы.
6. В.Короленко как мастер публицистической формы.
7. Журналистские методы публициста В.Короленко.
8. Шесть писем В.Короленко в будущее.
9. В чем суть и причины наивности В.Короленко.
10. Публицист А.Аграновский как собеседник власти.
11. Почему А.Аграновский занимался «маетой».
12. «Родимые пятна» социализма у А.Аграновского.
13. «Разгребатели грязи» и А. Аграновский.
14. Не пиши красиво, а пиши дело.

1.

Одним из точнейших определений публицистики, подчеркивающим неразрывность ее методологии и задачи, является следующее – физиология общества.

Физиология – наука о жизнедеятельности целостного организма и его отдельных частей. Следовательно, публицист – физиолог общества, изучающий его и результаты изучения оформляющий публицистическим способом. Блестяще делал это великий русский публицист Глеб Успенский (1843-1902), который свои знания русского общества оформлял в большие циклы художественно-документальных очерков. Знания публициста нередко были эксклюзивными, общество воспринимало их как открытия. Отметим слагаемые творческого успеха (метода) Г.Успенского:

1. Непрерывный поиск фактов и типов, для чего публицист находился постоянно в движении, путешествовал по России, подолгу жил в глубинке, в деревне. Публицист похож на охотника за жизнью. В одном из произведений Г.Успенский упомянул о своей записной книжке, которая “всегда готова представить сценку, заметку или случайно встреченный факт”.

2. Умение подмечать в действительности новое, необычное, нестандартное, усматривать за всем этим общественные тенденции, явления.

3. Чтобы открыть и показать обществу новые тенденции и явления, публицист прежде всего показывает людей, которые действуют в конкретных ситуациях. Люди и ситуации выписаны детально, не спеша, с лирическими отступлениями, с публицистическими вставками, с экономическими выкладками. Документальных героев в очерках Успенского встретишь редко, его действующие лица типизированы, убедительны, достоверны, статистически устойчивы. Г.Успенский однажды сказал: “У меня ж будут цифры и дроби превращены в людей”.

4. Личность автора присутствует в очерках практически всегда, хотя автор не насилует сюжет, его движут герои, как и положено в художественном произведении. Автор присутствует либо в образе рассказчика, либо как мыслитель. “Я расскажу процесс моего мышления без всякой утайки”, - такую цель ставил перед собой Г.Успенский. Его очерки и представляют собой процесс мышления в картинах и типах. В этом процессе органично соединяются художественность, публицистичность, злободневность, эстетичность.ё

2.

Творческими вершинами Г.Успенского, которых не поколебало время, являются циклы очерков: “Нравы Растеряевой улицы”, “Из деревенского дневника”, “Власть земли”, “Живые цифры”. Названные циклы не потеряли художественной ценности, ибо человеческие типы, нарисованные там, встречаются поныне, а проблемы, впервые поставленные Г.Успенским в 19 веке, волнуют и современное общество (власть земли, нравы улицы, власть капитала, засилие бюрократии).

Физиологические очерки Г.Успенского написаны на основе громадного фактического материала, но не создают ощущения фрагментарности, мозаичности. Очерковые циклы дают обобщающую картину русской жизни. Чтобы картина была как можно полной, автор постоянно пополнял циклы очерков новыми зарисовками, наблюдениями, мыслями. Он, можно сказать, мыслил очерковыми циклами. Недоброжелатели упрекали его в том, что он не умеет писать сквозной романной сюжет. Он отвечал так: “Я теперь ищу случая облечь мои мысли в плоть и кровь, - мне нужно видеть, жить среди самой настоящей русской народной жизни”.

Что же первичное в публицистике Г.Успенского - мысль или факт? Нам кажется, - мысль. Мысль подстегивала его искать факт, а факт рождал продолжение мысли. Человек, глубоко не задумывающийся о жизни, многое в жизни не замечает. Мысль стимулирует зрение публициста как первооткрывателя общественного знания.

3.

Трепетное отношение Глеба Успенского к правде жизни, по его признанию, сформировалось во многом благодаря влиянию Николая Добролюбова (1836-1861). Они были практически ровесники, но навечно остались в истории как ученик и учитель. Успенский еще не начал творить, а Добролюбова уже не было в живых. Следовательно, влиять на начинающего литератора Успенского могли только литературно-критические статьи

демократа Добролюбова, неустанно призывающего литераторов обратить внимание на реальную, а не придуманную жизнь.

“Мерю достоинства писателя или отдельного произведения мы принимаем то, насколько служат они выражением естественных стремлений известного времени и народа”, – писал Добролюбов. А в другой статье уточнял: “Простые явления простой жизни, насущные требования человеческой природы, неукрашенное, нормальное существование людей неразвитых – мы не умеем воспринимать поэтически: нам нужно, чтобы все это непременно облимонено было разными сантиментами и подсахарено утонченным изяществом, – тогда мы примемся, пожалуй, за этот лимонад”.

Принципиальное отвращение к “облимоненной” действительности Успенский пронес через все свое творчество. Нередко ошибаясь в личных политических исканиях, он не ошибался в выборе фактов для их последующей типизации. Правда жизни в его очерках бывает правдивее самого писателя. Именно это особенно высоко ценил литературный критик Добролюбов: “Для нас не столько важно то, что хотел сказать автор, сколько то, что сказалось им, хотя бы и ненамеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни”.

Руководствуясь своим правилом, Добролюбов и рассмотрел в русском обществе обломовщину (“Что такое обломовщина”), луч надежды (“Луч света в темном царстве”), боль о человеке (“Забитые люди”), нового героя (“Когда же придет настоящий день?”). В произведениях И.Гончарова (“Обломов”), А.Островского (“Гроза”), Ф.Достоевского (“Забитые люди”), И.Тургенева (“Накануне”) Н.Добролюбов увидел больше, чем хотели сказать писатели.

4.

Главной задачей литературной критики Добролюбов считал “разъяснение тех явлений действительности, которые вызвали известное художественное произведение”. Он разъяснял глубоко, настойчиво, временами назойливо, прямолинейно, повторяясь, дублируя аргументы, овлекаясь на смежные темы, но не теряя избранного направления – проверить художественность произведения реальной действительностью. И при том он, Добролюбов, молодой человек, которому судьба отпустила всего двадцать пять лет жизни, этой реальной действительности практически не знал, не успел узнать. Почему же он столь убедителен в доказательствах?

Феномен Н.Добролюбова – в интеллектуальных особенностях его публицистики. Прежде всего и главнее всего: он – публицист, затем – литературный критик. А, может, и вовсе не критик, а публицист, избравший предметом своих исследований факты и явления, отображенные литературой. У него отсутствует эстетический анализ, который как обязательный элемент характерен литературной критике и который Добролюбов обычно высмеивал как черту “чувствительных барышень”. Литературу он проверял на истинность “жизненным реализмом” Пушкина, общественным чутьем, которым был наделен от рождения. Чтобы понять особенность его публицистики, вчитайтесь, пожалуйста, в следующие строки:

“Тогда только обычно неприятные картины грязной нищеты и соединенных с нею обманов, пошлостей, невежества и даже преступлений –

предстанут нам в своем настоящем свете, когда мы добьемся мыслию или инстинктом до истинных причин их, не в отдельной натуре того или другого лица, а в целом строе окружающей его жизни”.

Вы заметили ключевые слова в этом тяжеловесном и глубоком отрывке Добролюбовского текста: **мысль** и **инстинкт**. Вот основа основ его публицистики, оказавшей побудительное влияние на Глеба Успенского, тоже, как Добролюбов, в первую очередь мыслителя, а во вторую очередь – живописателя, дающего нам картинку и героя.

5.

Физиологическая публицистика Успенского и Добролюбова рождена мыслью. Они – интеллектуалы. Напряженная мысль, как лазерный луч, проникала во все слои и уголки общественной жизни. За мыслью следовала логика, задача которой – связать мысль с инстинктом, прозрением, догадкой, удивлением, предположением, убежденностью, верой. В очерках Глеба Успенского мысль, словно кровь, наполняет его героев, становится их плотью, поступком. В очерках Добролюбова мысль обнаженная, не спрятанная в образах, не разлитая в типажах, а потому – обладающая быстрым поражающим действием на читателя.

Публицистика Добролюбова – это ракета, заправленная высококачественным топливом. Мыслию и инстинктом.

Тексты Добролюбова – верный тест для молодых журналистов на профпригодность. Проследите, как мощно движется в тексте авторская мысль. Восхититесь! Насладитесь умельством. Найдите точку, где мысль Добролюбова вылетает за пределы тесной формы, чтобы стать еще более свободной, эффективной.

Публицистика – бесформенна, как жизнь.

6.

И тем не менее из “бесформенной” публицистики мастер обязательно сделает стройное здание. Таким мастером был Владимир Короленко. Чтобы понять его “строительный” метод, послушаем, что он сказал о своем друге Глебе Успенском, об “этом исстрадавшемся чужими страданиями подвижнике литературы”, который свои статьи писал “соком больных нервов”. Прочитируем большой отрывком из эссе Короленко “О Глебе Ивановиче Успенском” (1902):

“Ему нужна была не красота, не цельность впечатления, не самый образ. С лихорадочной страстностью среди обломков старого он искал материалов для создания новой совести, правил для новой жизни или хотя бы для новых исканий этой жизни. То, что он предполагал известным, общим у себя и читателей, над тем он не останавливался для детальной отделки, то отмечал только беглым штрихом, заполнял кое-как, лишь бы не оставить пустоты. Наоборот, то, что еще только мелькало впереди смутными очертаниями будущей правды, – за тем он гнался страстно и торопливо, не выжидая, пока оно самопроизвольно сложится в душе в ясный, самодовлеющий образ. Он пытался обрисовать его поскорее для насущных надобностей данной исторической минуты теми словами, какие первые приходили на ум. От этого

он часто повторялся, все усиливая находимые идеи, заставляя читателя переживать с ним вместе и его поиски, и его разочарования, и всю подготовительную работу, пускал жильцов, когда у постройки еще не были убраны леса. Все это искупалось важностью и насущностью занимавших Успенского вопросов, а общность настроений писателя и его читателей заполняла пробелы в этой торопливой работе. Теперь, когда настроение изменилось, пробелы выступают яснее, и, в целом, Успенский становится “труднее”. Однако всякий, кто не побоится лесов и видимого беспорядка в этой огромной работе, наткнется здесь и на замечательные образы, носящие печать более чем крупного таланта, и на глубокие, прямо “проникновенные” мысли...”

7.

Точно и справедливо отметив разбросанность (жанровую бесформенность) публицистики Г.Успенского, В.Короленко сформулировал тем самым свое видение публицистики. Он признавался, что ему было свойственно “Страстное желание вмешаться в жизнь, открыть форточку в затхлых помещениях, громко крикнуть, чтобы рассеять кошмарное молчание общества”. Гонимый таким желанием, он то и дело обращается к публицистике, надолго оставляя беллетристику, пишет на злобу дня для газет и журналов. Свою работу Короленко называл “публицистическим служением справедливости и праву”. Прекрасные слова, благороднейшая задача! Еще при жизни В.Короленко называли праведником.

Отметим же стилистические и жанровые особенности публицистики Короленко:

1. Свои наблюдения, эмоции, мысли, идеи публицист Короленко облакал в журналистские формы очерка, репортажа, статьи, отчета. Тексты его строго выстроены, автор редко допускал отступления от стержневой темы. Изложение материала зачастую бесстрастное, только “по делу”, эмоции прорываются в виде реплик, ремарок либо в заключительной части (нередко во вступлении).

2. Короленко использовал журналистский способ сбора материала, свободных разведочных поездок у него случалось мало. Как правило, он в качестве корреспондента выезжал туда, где случались трагедии, привлекая внимание общества, и проводил журналистское расследование. Публицистика Короленко по стилю часто напоминает сухой протокол, этого требовали обстоятельства, ведь автор выступал и в качестве следователя, и в качестве адвоката. Он понимал, что в таком случае самым убедительным аргументом является только факт. Документы и факты Короленко добывал настойчиво, самоотреченно.

3. При 100-процентной документальности очерки Короленко производят ощущение типизированных художественных полотен. Он глубоко проникал в тему, искал и обязательно находил смежные темы и, таким образом, исследовал, как он отмечал, “весь порядок вещей” в обществе. Его публицистика - это исследование физиолога.

4. Для исследования Короленко всегда выбирает архисложные проблемы современности, например, межнациональные взаимоотношения в России 19

века (антисемитизм, пренебрежение к малым народам, религиозная нетерпимость представителей разных конфессий). Гуманистическая сущность его взглядов вызывала восторг единомышленников и нападки врагов. Ему пришлось много судиться, чтобы отстаивать свои взгляды не только публицистическими средствами, но и правовыми. В.Короленко – современен, злободневен, ибо его главная тема – межнациональные отношения и религиозная нетерпимость – перешла в разряд главнейших тем двадцать первого века, сделалась глобальной. Короленко был провидцем.

8.

В 1920 году, незадолго до смерти, Владимир Короленко пишет из Полтавы, где жил в то время, шесть писем наркому просвещения в большевистском правительстве Анатолию Луначарскому, по совместительству, писателю. Не имея времени облекать свои мысли в художественные образы, как он обычно делал это всю жизнь, физиолог-публицист афористично формулирует пророческое обвинение большевизму:

“Логика – одно из могучих средств мысли, но далеко не единственное. Есть еще воображение, дающее возможность охватывать сложность конкретных явлений. Это свойство необходимо для такого дела, как управление огромной страной. У вас схема совершенно подавила воображение. Вы не представляете себе ясно сложность действительности... Инстинкт вы заменили приказом и ждете, что по вашему приказу изменится природа человека. За это посягательство на свободу самоопределения народа вас ждет расплата”.

Луначарский не ответил ни на одно из шести писем Короленко. Известно, что эти письма, выпущенные в Париже в 1922 году, уже после смерти Короленко в 1921-м, читал Ленин. Реакция большевистского вождя неизвестна. Мы убедились, что прав оказался Короленко. Мы можем с грустью восхититься гениальным знанием (состоящим из логики и воображения) Владимира Короленко, умеющим вкладывать это свое обширнейшее и глубочайшее знание в четкие формы физиологической публицистики. Наша грусть оттого, что это знание оказалось невостребованным.

9.

Правительства чаще всего погибают от лжи. Это сказал английский историк Карлейль. Его слова Короленко напомнил Луначарскому, в его лице убеждая и умоляя большевистское правительство вернуться к свободе печати, к изучению подлинной действительности, к правде жизни.

Великий публицист на пороге своей смерти обращался непосредственно к правительству, понимая это и целью публицистики. Грустно! Еще один публицист убедился в нерезультативности публицистического служения, коль высшей властью над собой (и над порядком вещей) признал правительство.

Неужели смысла и цель публицистики только в том, чтобы в конечном счете стать обращением к кучке временных людей, заимевших государственную власть? Если это действительно так, то не эффективнее для дела было бы писать деловые справки и предложения и вносить их на рассмотрение той же кучке людей? Почему классическая публицистика все-

таки ждет обратной связи не только от “кучки”, но и от общества, не только от власти, но и от общественного мнения? Наверно, потому, что классическая публицистика по сути своей демократична, по определению свободна и прогрессивна, того же ожидает и от своих потребителей – власти и народа. И потому – наивна.

10.

Публицистическое обращение Владимира Короленко к большевистскому правительству отчасти дошло к последнему лишь через шестьдесят пять лет, в 1985 году, когда Михаил Горбачев объявил перестройку и гласность. До этого счастливого для всех публицистов дня не дожил Анатолий Аграновский (умер в 1984-м), который публицистическими средствами всю свою жизнь доказывал правительству необходимость прогрессивных изменений в экономике, в управлении наукой, в материальном и моральном стимулировании человека труда.

Свои статьи и очерки А.Аграновский печатал в основном в “Известиях”, одной из главных газет СССР. Его публикации имели большой общественный резонанс, вызывали обилие читательских писем. Коли так, то, выходит, не только к правительству была обращена публицистика Аграновского? Если он в виде обратной связи получал поддержку многочисленных единомышленников, их послания-исповеди, их деловые разработки по затронутым проблемам, следовательно, своих целей достиг? Если помог победить одному только офтальмологу Федорову, гонимому неучами и бюрократами, то уже не напрасным было его публицистическое служение? Да, дважды: да!

11.

Но есть печальное но в деятельности всех публицистов, а особенно - советского периода. Обращаясь к массовому рядовому читателю, к широкому общественному мнению, советские публицисты всегда (всегда!) держали в уме свою сверхзадачу – повлиять на решение верховной властвующей кучки, от которой зависело всё и вся. Читать исповеди-отклики читателей публицисту всегда приятно, однако десятилетиями писать о насущных проблемах экономики, пропагандировать передовой опыт, рассказывать о героях-передовиках и при этом десятилетиями наблюдать, что в экономике практически ничего не меняется, - горько публицисту всегда!

Горько было и Аграновскому, многократно ездившему по одним и тем же адресам (скажем, в Казанский университет), чтобы продолжить начатую тему, практически решить проблемы, изменить жизнь (науки и ученых) к лучшему. Если же что-либо и менялось к лучшему (очень редко!), то сие делалось по ... решению правительства.

Осознавая печальное и неотвратимое “но” в свой службе, советские публицисты беспрекословно ему подчинялись, а именно: глобальные проблемы государства и общества, типа Короленковских, не поднимали, ограничивая свой взгляд локальными темами.

Главнейшей темой А.Аграновского была – экономика и нравственность. Здесь он вникал глубоко, знал вопрос на уровне специалиста, писал смело, остро. Был истинным физиологом советской экономики, командной по форме,

затратной по сути. Доказывал это очерками, опять-таки передовым опытом конкретных людей, которых поддерживал, к судьбам которых возвращался неоднократно.

В воспоминаниях об Аграновском Егор Яковлев пишет:

“Бывало, говорили с Толей: все его статьи можно представить единой нитью, а на ней узелки им же поднятых проблем. Развязался ли хоть один из тех узелков, которые он затянул в последние годы? – спросил я, зная заранее, что ответит Аграновский. Да, он сам утверждал, что публицистика призвана будить общественное мнение. Оно, как известно, меняется, но не быстро. Но и дело скоро не делается. Аграновский ни в чем не был наивен... В свою последнюю ночь, отвечая на тревожные взгляды жены, Аграновский повторял: маета”.

12.

Интересно ли сегодня читать публицистику Анатолия Аграновского, безусловного знатока многих социально-общественных проблем СССР периода шестидесятых-восьмидесятых гг. 20 века? Неинтересно, если это деловые статьи, допустим, о проблеме подрядного подряда либо о “кооперировании сельскохозяйственного и промышленного производства”, а то и вовсе о “социалистическом соревновании в бригаде коммунистического труда”.

Эти темы остались в своем времени. Более того, в советском времени остались и способы их публицистического решения (обязательно оптимистическая концовка, обязательно цитата из Брежнева или решения партии, обязательно передовой опыт, обязательно лакирование, обязательно фигура умолчания о всей системе вещей, обязательно газетные штампы).

Анатолий Аграновский остался интересным и донныне злободневным, когда размышлял о человеческой природе, показывал добро и зло в острейших столкновениях. В документальных очерках Аграновского интересно наблюдать за построением сюжета, за железной логикой автора, за журналистской хваткой, за мастерским умением упрятывать свои страсти в хладнокровные дотошные доказательства, за сдержанной и одновременно изысканно образной речью повествователя.

Несомненной пользой для современных начинающих журналистов станет поиск в текстах знаменитого автора “родимых пятен” его времени: устойчивых выражений “развитого социализма”, профессиональных штампов газетчика, показного оптимизма, благополучных концовок в драматических историях, выпячивание патриотизма так называемого “советского человека”...

13.

Публицист А.Аграновский был плоть от плоти той системы, в которой судьба определила ему жить, творить, реализовать свой талант. Реализовать, увы, не в полную силу. Система сдерживала воображение и фантазию, заставляла прислуживать, воспринимала публициста лишь исполнителем.

Все названное и придало публицистике Аграновского прикладной характер. В этом нет ничего трагического, ведь побудительным мотивом публицистического творчества как раз и является страстное желание

публициста (каждого!) изменить “порядок вещей”, усовершенствовать либо вовсе изменить систему. Это желание и есть **восход публициста**.

Трагедия советских публицистов в том, что система жестко контролировала их желания и намерения, не давала возможности даже ставить вопросы о замене либо совершенствовании советского, истинно правильного, порядка вещей. В более выгодном положении оказались физиологические публицисты США, где свобода печати и устойчивые демократические традиции являлись отличной средой для исканий, творчества, подталкивали к глубокому изучению общества.

Физиологическую журналистику (и публицистику) в США в начале 20 века называли макрекерством (макрейкерством). Muckrakers - разгребатели грязи, копающиеся в навозе, любители грязных сплетен. Так назвал президент Рузвельт тех журналистов, которые разоблачали общественные пороки тогдашней Америки. Президента, естественно, это раздражало, в термин «макрекеры» он вложил пренебрежение. А самим журналистам термин понравился, они восприняли раздражение президента с восторгом: значит, их деятельность достигла цели.

Группа американских писателей и журналистов, которые дотошно исследовали проблему коррупции и злоупотреблений властью в США, критиковали современные устои, требовали немедленных реформ и со знанием дела предлагали таковые, вошла в историю мировой публицистики. Им приписывают огромную роль в продвижении американского общества к прогрессу.

Макрейкеры не служили отдельным партиям, они оказали мощное влияние на общественное мнение Америки, оно давило на парламент, в результате были приняты следующие законодательные акты: о совершенствовании трудового права, о запрещении многочасового детского труда, о чистоте продуктов и напитков, о железнодорожном регулировании ...

Мощное давление испытали на себе и макрейкеры. Крупные монополии активно противодействовали разоблачительной деятельности «разгребателей грязи», дискредитировали их, сталкивали с конкурентами. Погас и читательский интерес к разоблачениям, который держался примерно десять лет. Читателям захотелось иного чтива. К 1910 году движение макрейкеров пошло на спад и угасло вместе с их журналами. После восхода наступил неотвратимый **заход публицистики**.

Разгребатели общественной и государственной грязи многого добились и, наверно, не считали свою деятельность пустой маетой, как их советский коллега Аграновский, с оглядкой на цензуру разгребавший общественную грязь в СССР.

Дж. Сельдес пишет: «Самые крупные злоупотребления нашей финансовой и политической системы были разоблачены и преданы огласке благодаря новой группе журналистов. Уилл Ирвинг, Чарлз Эдвард Рассел, Ида Тарбелл, Эптон Синклер, Линкольн Стеффенс, Том Лоусон, Марк Салливен, Рейн Станнард Бейкер и многие другие журналисты вынудили «большой бизнес» путем оглашения документов, сенсационность которых возрастала в зависимости от степени подлости разоблачаемого дела, сильнее изменить методы своей работы».

Самый влиятельный и результативный из макрейкеров - Линкольн Стеффенс. Он писал протокольным стилем, обильно документировал свои разоблачительные материалы, заботясь об их доказательности. Ведь он заранее знал, что на него подадут в суд. Лучшие его разоблачительные циклы – «Позор городов» (1904), «Борьба за самоуправление» (1906).

Макрейкеры – основоположники современной расследовательской журналистики – подчеркнуто дистанцировались от желтой журналистики, замешанной на грязных сплетнях и дурно пахнущих сенсациях. Тщательная работа над фактической основой материала, документальность, высокие этические нормы по отношению к правде жизни и реальному человеку, основательная литературная обработка текстов – все это придавало их произведениям качество, классичность.

14.

«Разгребатели грязи», как и Аграновский, были прикладными публицистами, но прислуживали они не правящей верхушке, а всему обществу, прогрессу, будущему. Свобода мышления отразилась на стилистике. Статьи американских публицистов, по американской же масс-медийной традиции, насыщены броскими и резкими суждениями. Сюжеты строятся главным образом на разоблачительных сенсационных материалах.

Расследовательская публицистика тех же «разгребателей грязи» не заботится об изысканности стиля, как у советских публицистов-расследователей, вынужденных применять иносказание, подтекст, метафору с «двойным дном».

Не пиши красиво, а пиши дело! Таков американский творческий принцип. Нельзя не признать его плодотворным и перспективным. Публицисты-физиологи, коль уж назвались таковыми, должны демонстрировать публике не изящество языка, а новые и новые открытия. Если публицисты, поддавшись собственному разочарованию, перестанут разгребать общественные завалы грязи, они сократят светлый **полдень публицистики** и приблизят ее заход.